ПУТЕШЕСТВИЯ ВСТРЕЧИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ДЕРЕВНЯ МАЛИ

В. СВЕТЛОВ
Кандидат экономических наук

Я УЖЕ посетил многие деревни Мали, но мне особенно нравилось бывать в Сананкороба — большой деревне, расположенной в 18 километрах от столицы. Впервые я попал в Сананкороба в октябре, в конце сезона дождей, когда малийская саванна буйствует травами, когда на крестьянских полях стоит трехметровая труднопроходимая стена проса, когда целые крестьянские семьи от мала до велика выходят в поле на уборку урожая арахиса. На малийских дорогах нет ни километровых столбов, ни названий деревень. Останавливаюсь на окраине приглянувшейся мне деревни и направляюсь к группе мужчин, сидящих в тени под навесом. Любой разговор в Мали начинается с нескольких стереотипных фраз, которые сначала чрезвычайно удивляли меня. В самом деле, с кем бы я ни начал разговор, всегда меня спрашивали, как у меня идут дела, как себя чувствует моя жена, дети, как я спал и т. д. Такие вопросы со стороны незнакомых людей казались мне бестактным вторжением в частную жизнь. Но я ошибался. Это была лишь условная вежливость. Собеседнику вовсе не обязательно рассказывать о своих делах. На стереотипный вопрос существует такой же стереотипный ответ. И сейчас я обращаюсь к малийцам по всем правилам местного этикета. На мои вопросы они отвечают, что дела у них идут очень хорошо, что деревня называется Сананкороба.

Один из малийцев — молодой симпатичный парень лет двадцати двух, одетый в белое бубу, — хорошо говорит по-французски. Для малийской деревни это редкость. Хотя французский язык является государственным, знает его около десяти процентов населения, в основном служащие. Поэтому спрашиваю парня, какой пост он занимает в деревне. Парень просто но с достоинством отвечает: учитель.

Так состоялось мое знакомство с сельским учителем Драманом Траоре. Представляюсь и я — советский преподаватель Высшей административной школы в Бамако. Встреча двух коллег всегда приятна. Драман приглашает меня к себе. В хижине, где он живет, стоит простая железная кровать, железный стул, маленький деревянный столик со стопкой книг. Драман рассказывает о себе. Два года назад окончил лицей в Бамако и теперь учительствует здесь. Школа небольшая, одноэтажная, ее недавно построили сами крестьяне. Классов всего три. Дети ходят в школу из пяти окрестных деревень. Учеников немного. Не все крестьяне еще пускают детей в школу. Восьмидесятилетние помощники нужны дома. Не хватает книг, тетрадей, в стране нет собственных типографий, бумажной промышленности. Жалованье сельского учителя — 30 тысяч малийских франков. Для деревни это деньги немалые. Пока Драман Траоре еще холост. Что думает он о будущем? Думает стать хорошим учителем, а потом поступить в педагогический институт.

Деревянные амбары

На узкой деревенской улочке.

Я прошу Драмана показать мне деревню. Он согласен. На улице к нам стремительно подходит какой-то пожилой мужчина в темном бубу и начинает что-то быстро и резко говорить Драману на бамбара. При этом он бросает на меня несколько быстрых взглядов. Мне кажется, что ему не нравится мой фотоаппарат. Драман немного смущен, но слушает молча. Наконец он говорит мне, кивая на незнакомца, что это староста деревни, и он хотел бы посмотреть мои документы. Я протягиваю удостоверение и разрешение на съемку. Староста долго вертит их в руках, не поднимая глаз, затем возвращает. Читать он не умеет и по-французски не говорит. Я спрашиваю Драмана, чем вызвано неудовольствие старосты. Он отвечает, что по обычаю все иностранцы, прибывшие в деревню, должны прежде всего являться к нему. Я прошу перевести мои извинения старосте, и на этом недоразумение с местным начальством заканчивается. Драман тем временем согласовывает со старостой план осмотра деревни: сначала мечеть, затем дом старосты, затем хозяйства других жителей. Когда мы трогаемся в путь, я спрашиваю Драмана, зачем нам понадобилось наносить визит старосте.

— Староста — самый богатый человек в деревне, у него три жены, — говорит Драман. — Наконец, сам староста этого хочет.

По деревне нас сопровождает с десяток учеников Драмана и просто любопытных. Встречные жители почтительно здороваются с Драманом, он пользуется здесь большим уважением.

В ХИЖИНАХ И НА УЛИЦЕ

Быт сельского населения Мали чрезвычайно прост. Тип жилища зависит от географической зоны и обычаев. Кочевники — мавры, туареги и арабы — живут под большими тентами из шкур животных или материи, натянутыми на колья. У сонраев и некоторых племен туарегов встречаются круглые хижины из циновок и шкур животных. Земледельцы Сахеля и Судана живут в глинобитных саманных хижинах круглой, квадратной или прямоугольной формы. Постройки европейского типа существуют только в городах. В деревнях вокруг Бамако строят хижины круглой формы с конической крышей из слоновой травы или стеблей миля. Стены хижин складывают из саманного кирпича — смеси глины с травой. Окон в стенах не делают. Вместо них оставляют небольшие круглые дырочки без стекол, служащие скорее для вентиляции, чем для освещения. Пол в хижинах глинобитный. В квадратных и четырехугольных хижинах крыши плоские глиняные. Для изготовления таких крыш на стены кладут ряд жердей, затем хворост и все это сверху обмазывают глиной. Для прочности снизу устраивают одну-две подпорки. Чтобы забраться на такую крышу, надо обладать известной ловкостью, ибо лестница представляет собой ствол дерева с развилкой, на котором вырублены ступеньки.

В Сананкороба, как и в других деревнях Мали, люди живут открыто, нет не только замков, но и дверей. Дверью служит приставной соломенный мат. Если хозяина нет дома, этот мат прислоняется снаружи к отверстию в стене, служащему входом.

Большинство малийских хижин лишено мебели. Малийцы едят

сидя на земле или на циновке, спят тоже на циновке, которую на день убирают. Лишь зажиточные семьи имеют бамбуковый топчан, над которым висит москитная сетка. Пожилые мужчины и женщины обычно сидят на невысоких скамеечках, сделанных из цельного куска дерева.

Мы свернули с асфальта и идем по извилистой деревенской улице. Деревня Мали в большинстве случаев застраивается без плана. Земли много, и каждый ставит хижину, где вздумается. По мере того как деревня разрастается, возникает потребность в улицах. Эти улицы, узкие и кривые, образуются между стенами, окружающими дворы больших семей. Порой улочки настолько узки, что в них не разойтись и двум ишакам. В некоторых больших деревнях и особенно в районных центрах глинобитные стены так высоки, что полностью скрывают все, что делается во внутренних двориках. Ходить по таким улочкам незнакомому человеку — сущее наказание. Заблудиться здесь ничего не стоит. Стены скрывают внешние ориентиры и перспективу. От улочки то вправо, то влево беспрестанно отходят переулки и тупики. Отличить их от основной улицы может только наметанный глаз.

Деревенские улочки неожиданно размыкаются, и перед нами предстает либо деревенский колодец без сруба, либо группа ступ, установленных в тени манговых деревьев. Здесь работают женщины в окружении детворы. Ступа с пестом в Мали играет роль семейной мельницы. Обычно таких ступ несколько в каждом дворе. День малийской деревни, да и африканских кварталов Бамако начинается с глухого перестука пестов: женщины толкут просо к завтраку. Эта работа очень утомительна. Чтобы получить муку миля, надо сначала разбить несъедобную шелуху, провеять и вымыть крупу, затем высушить ее на солнце и после этого снова толочь. Из просяной муки варят кашу, которую едят вместо хлеба.

Женщины заметили, что я хочу их сфотографировать и решили показать свое мастерство. Пока пест летит вверх, женщины успевают несколько раз легко хлопнуть в ладоши. Следуя примеру матерей, к работе с пестом приучаются и девочки. Кто знает, может быть, эти ежедневные упражнения с пестом и делают плечи малиек точеными, а фигуры тонкими и стройными?..

Колодцы в малийской деревне не знают журавля. Воду черпают калебасами, привязанными на веревке, или резиновыми ведрами. Возле колодцев по утрам и вечерам всегда людно. Невдалеке стирают белье. Среди людей бродит пришедший на водопой скот. Ныне в стране ведется кампания за благоустройство колодцев и пропаганду санитарно-гигиенических знаний среди населения.

Вскоре справа от нас показалось невысокое продолговатое глинобитное здание деревенской мечети. По величине она ненамного больше простых домов. Мечеть отличается от них лишь возвышающейся на крыше башенкой, из которой торчат деревянные опоры. Наверху башня увенчана страусиными яйцами, насаженными на металлические прутья. Население Мали отличается большой религиозностью. Хотя церковь отделена от государства, но все виды антирелигиозной пропаганды запрещены. Население состоит в основном из мусульман и анимистов. В каждом селе есть те и другие. Драман Траоре — мусульманин. Он непременно хочет завести меня в мечеть. Для этого надо только снять обувь. Внутри мечети тишина и полумрак. Внутренние стены, как и наружные, не штукатурены. На них нет ни орнаментов, ни украшений. На потолке видны лишь деревянные опоры, да на полу лежит несколько неубранных циновок.

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Малийцы живут большими семьями. По традиции родственники объединяются вокруг самого старшего в роду, который является главой большой семьи. Многоженство у малийцев существовало давно, но его правила регулировались обычаями. По закону о браке, принятому в 1962 году, мужчина-малиец может иметь четыре жены. Средний состав деревенской семьи — 15—20 человек. Вместе с отцом в одном дворе живут его женатые сыновья, образуя внутри большой семьи малые семьи. Большая семья занимает несколько хижин, обнесенных глинобитным или соломенным забором. Внутренний двор большой семьи имеет один вход. Этот вход часто представляет собой хижину, внутри которой обычно стоят ступы и работают женщины.

Чтобы войти во двор большой семьи, надо получить разрешение хозяев. Приглашение от старосты у нас уже есть и поэтому мы входим во внутренний двор. Он довольно обширен. По краям двора, вдоль стен, на некотором расстоянии друг от друга, стоят пять хижин большой семьи. Каждая из жен старосты имеет отдельную хижину, в которой живет со своими детьми. В глубине двора находится хижина старосты — главы большой семьи. Пятая хижина принадлежит женатому сыну старосты.

Посреди двора расположен семейный очаг. Он очень прост: несколько закопченных камней со стоящими на них кастрюлями. Вокруг очага на земле разложены калебасы разных размеров, эмалированные блюда, тазы. Возле очага на скамеечке в окружении детей сидит первая жена старосты Фатумата. Ей уже за шестьдесят, и она считается старшей среди женщин семьи. Недалеко от очага — два глинобитных амбара, круглых по форме. Дверей у амбаров нет. Чтобы попасть внутрь, надо сдвинуть на бок конусообразную крышу. В амбаре хранятся колосья проса, корзины с неочищенным рисом. Чтобы вода не подмочила зерно во время ливней, амбары строят на каменной подставке, на которую укладывают толстые жерди.

Пока мы осматриваем хозяйство и беседуем с Фатуматой, во двор входит староста. Теперь он уже не выглядит сердитым и предлагает зайти в хижины, где живут его жены. Здесь, как мне кажется, намеренно он обращает наше внимание на марлевые пологи, висящие над топчанами, на которых спят женщины. Заметив жест старосты, Драман поясняет, что тропическая малярия — бич крестьянства. Особенно она свирепствует в сезон дождей, который совпадает с периодом полевых работ. Больные малярией слабеют, не могут работать в поле. Чтобы уберечь себя от болезни, наиболее зажиточные семьи пользуются пологами.

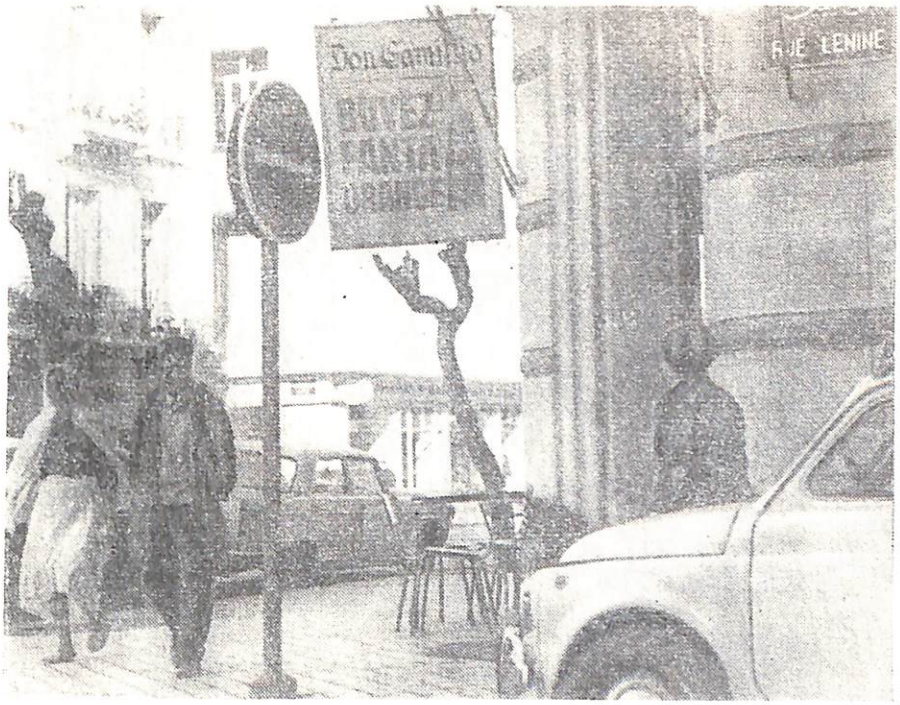
Я весьма доволен тем, что староста сменил гнев на милость, и предлагаю ему орехи кола. Подношение орехов кола в Мали считается проявлением внимания и уважения к человеку. Недаром все старинные церемонии сватовства начинались с подношения орехов кола родителям невесты. Знаки внимания нравятся старосте, хотя он и прячет молча орехи в карман. Но я уж давно знаю, что белые и розовые орешки кола очень нравятся старикам. Они разгоняют усталость, придают

Улица Ленина в Тунисе

*

НОВАЯ ПОЧТОВАЯ МАРКА КАМЕРУНА

Новая почтовая марка, выпущенная в далеком Камеруне. Она посвящена 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.



Перед вами — улица Ленина в городе Тунисе. Эта улица находится в центре города и проходит между двумя оживленными артериями столицы — авеню де Пари и авеню Мухамеда V. Он не блещет фешенебельными отелями и ресторанами, модными витринами; это улица тружеников, где находятся мастерские, небольшие магазины, ателье...

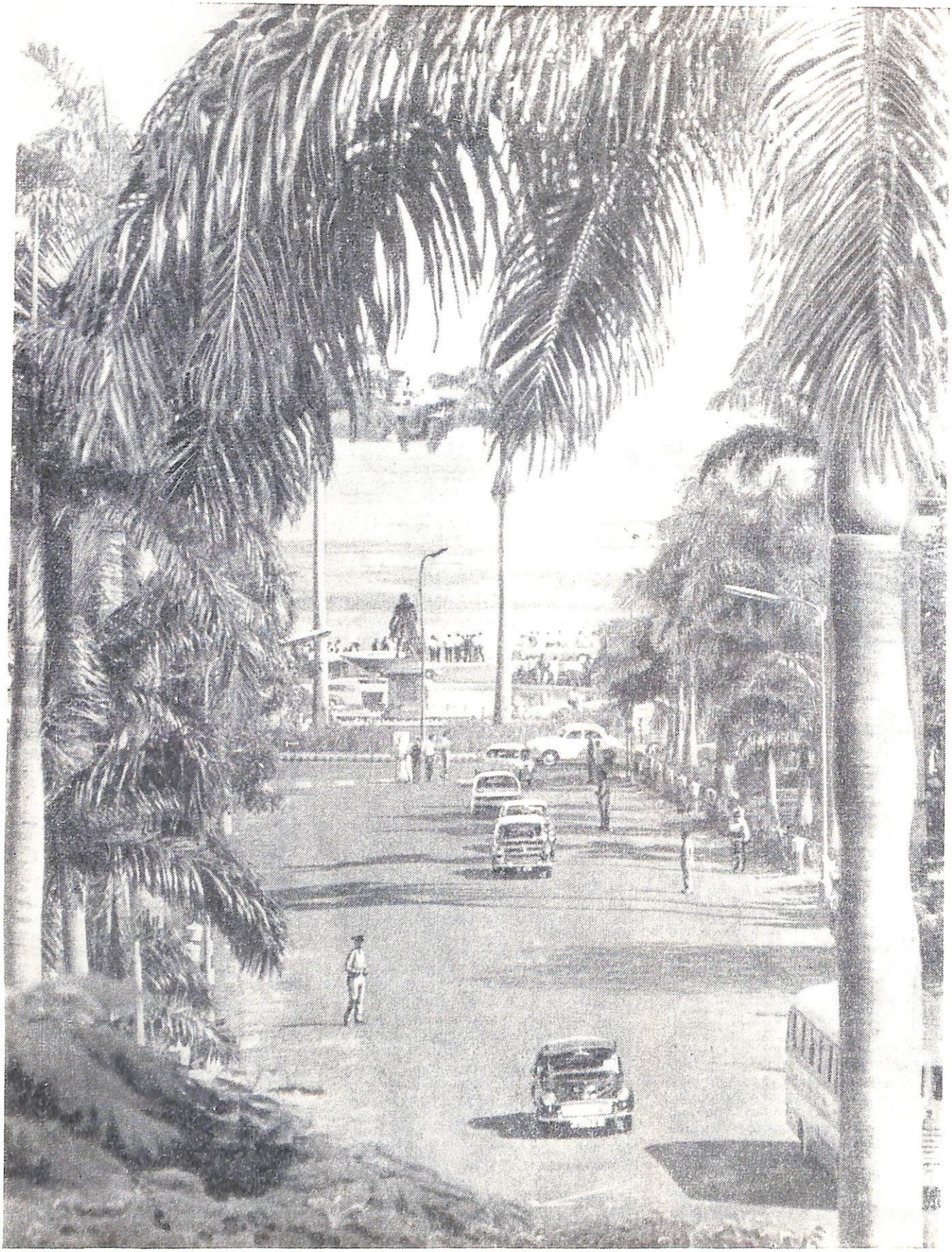
Имя Ленина присвоено улице решением муниципалитета Туниса еще в марте 1966 года. Говоря об этом на пресс-конференции, президент республики Хабиб Бургиба заявил. «Ленин относится к числу великих людей, которые внесли вклад в развитие мировой цивилизации. Это великая личность, внушающая уважение и почитание».

Фото ТАСС

бодрость, восстанавливают силы. Если нет зубов, помогают самодельные терки. Поднесите орехи кола любому главе большого семейства, и вы получите право на его внимание при разговоре, не говоря уж о разрешении сфотографировать все, что вам хочется.

Прошу разрешения войти в хижину старосты. Пол ее чисто выметен, на самом видном месте стоит большой бамбуковый топчан. У стены сложено несколько мешков проса, с крыши свешиваются пучки высушенных трав. В соломенную крышу воткнуто несколько серпов, мотыг на короткой ручке, африканских топориков с узким, как у долота, лезвием. На стене замечаю пару деревянных рогулек с насаженными на один из сучков неровными осколками калебасы. Драман объясняет, что это вассамба — своеобразный музыкальный инструмент, на нем играют во время обряда обрезания. Перед входом в хижину висит какой-то серый матерчатый узелок. Трогать мне его нельзя. В нем находятся священные вещи, которые унаследовал глава большой семьи от своих предков.

Когда мы выходим на улицу, я спрашиваю старосту, сколько же человек в его семье. Вместо ответа он выносит из хижины небольшую книжечку, где перечислены имена, годы рождения и степень родства всех 28 членов семьи. Первым стоит глава семьи Умар Кулибали. Я спрашиваю Умара, все ли его дети живут с ним.

— Нет, не все, — отвечает он. — Из восьми взрослых сыновей со мной остались только четыре. Двое живут в городах, а двое — в соседних африканских государствах. Дочери повыходили замуж. Сейчас семья состоит из шестнадцати человек, причем самому младшему, от последней жены, тринадцать лет.

Впоследствии с Умаром Кулибали я беседовал не раз, правда, всегда при посредстве Драмана. Я не могу сказать, что это был словоохотливый человек, но на продолжение нашего знакомства повлияло одно обстоятельство, о котором я расскажу в следующем очерке.